

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-4-649-659

УДК 821.512.145

Мифологема «Дом» в художественном дискурсе татарской и чувашской литератур

Д.В. Абашева, Р.Х. Шаряфетдинов

Московский педагогический государственный университет
Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Сравнительно-сопоставительное изучение культур народов Поволжья приводит исследователей к выводам, характеризующим многовековое взаимодействие народов, в результате которого образовались уникальные художественные системы татарского и чувашского народов. В статье рассматривается функционирование мифологеми «Дом» в чувашской и татарской литературах и определяется ее основополагающее значение как в классических, так и в современных произведениях (конец XX – начало XXI в.). Авторами анализируются поэтические смыслы (мотивы памяти, счастья, веры, быта и др.) и выявляются наиболее частотные значения, объединяющие в своем понимании представления о Доме (родная речь, символ защищенности, богатства, красоты и умиротворения) в чувашской и татарской культурах. Мифологема «Дом» в татарской и чувашской литературах связана с проблематикой произведений и отражает особенности ментальности народов.

Ключевые слова: татарская литература; чувашская литература; народы России; культура; поэтические смыслы; мифопоэтика; миф; дом; типология

Введение

Сравнительно-сопоставительное изучение культур народов Поволжья приводит исследователей к выводам, характеризующим многовековое взаимодействие народов. В.Г. Родионов считает, что «происходил межлитературный типологический диалог, в результате которого образовались уникальные художественные системы татарского и чувашского народов» [13]. Исследованию этих уникальных систем поможет наблюдение за концептами, сохранившими древнейший синкретизм в современных литературах. Мифологема «Дом» характерна для ценностного мира всех народов и позволяет провести диалогическое сопоставление культур и обнаружить отношения между ценностными мирами национальных литератур, отражающих ментальные особенности на-

© Абашева Д.В., Шаряфетдинов Р.Х., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

родов. Домашняя обрядность разных народов многообразна [3], но главными событиями не случайно считаются выбор локусов дома, начало строительства и его завершение. Как и многие народы, чувашаи и татары, веками жившие по соседству, сопровождали строительство нового дома обрядами: обращали внимание на мифологические представления, важные при выборе места, закладке фундамента и дальнейшей жизни дома. Изучение места под будущий дом свойственно многим народным традициям: славяне, удмурты, татары, чувашаи и другие народы следили за поведением животных (коров, кошек и др.) и за своеобразием природы (воды, снега, растительности), которые указывали на возможность строительства дома в том или ином месте. Ритуально-мифологические взгляды и в настоящее время определяют представления об удачном участке для дома и непригодных для дома локусах (погоревшие места, заброшенные бани, перекрестки дорог, старые дороги). Например, чувашаи старались вывезти сгоревшие дома за границы села [12. С. 80–85].

Обсуждение

Все природные и вещественные символы благополучия, обеспечивающие счастливую жизнь в доме, стали константами национального сознания (например, у чувашей это и монеты, и шерсть, и рябина), отразились в художественных образах, поэтике литератур. Представление чувашского народа о строительстве, созидании нашло отражение в пословице: *«Пӑссаци ҫӑмӑл та, тӑвасси хӗн»* – *«Разрушить легко, а построить труднее»*. С мифологемой «Дом» перекликается и необходимость трудиться, работать для его содержания. Чувашские и татарские женщины должны были проходить специальные обряды посвящения в хозяйки дома при замужестве. Не случайно чувашская пословица *«Пӗрт-сӗрт тытма тӑн-пуҫ кирлӗ»* – *«Чтобы управлять домашним хозяйством, нужен разум»* советует хозяевам дома быть разумными.

Еще Г.Ф. Миллер в работе «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков», проводя сравнение чувашского дома с татарским, писал: «В избах везде делаются у них, как и у татар, широкие лавки или полки так, чтобы поперек оных протянув ноги человеку лежать можно» [14. С. 9]. Методологические принципы сравнительного изучения культур народов Поволжья в разных аспектах уже к тому времени развивались в науке, и сравнение татарской и чувашской культур представлялось перспективным для понимания художественного творчества этих народов.

Мифологема «Дом», будучи универсальной доминантой многих культур, исследовалась ранее. В художественном же дискурсе современных татарской и чувашской литератур эта мифологема не изучалась. Художественные тексты, проанализированные в настоящей работе, ранее не подвергались анализу в контексте мотива дома.

Современные исследователи татарской литературы XX в. (В.Р. Аминова, А.Д. Батталова, Л.Х. Давлетшина [7], М.М. Хабутдинова [18] и др.), занимающиеся изучением мифологизма татарской литературы в целом и ми-

фологемы «Дом» и ее составляющих (порог, окно и др.), приходят к выводу, что мифологема «Дом», с одной стороны, является символом, раскрывающим традиционные, патриархальные устои общества, защищенности, национального единства, а с другой стороны, может принимать символику замкнутости, консерватизма, несвободы героев [2. С. 175]. Художественное пространство произведений часто разворачивается концентрическими кругами все дальше от сакрального центра [4. С. 12], а Дом (и близкая ему – Родная земля) представляются символами связи с предками, историей семьи, рода. Неслучайно в повести А. Гилязова «В пятницу вечером» главная героиня Бибинур, собираясь в дорогу, как бы заручается поддержкой со стороны сакральных для нее мест: родного дома и могилы мужа, где происходит ритуальная коммуникация главной героини с погибшим на войне мужем Габдулжаном.

В произведениях таких авторов, как Ф. Амирхан, Ш. Камал, Г. Ибрагимов, образ дома – символ «старого мира», границы которого пытается преодолеть герой. Так, в повести Ф. Амирхана «Хаят» замкнутое пространство дома становится силой, которая противостоит свободолюбивой героине; такую функцию можно отметить и в классической поэме чувашского поэта К. Иванова «Нарспи». В рассказе «Татарка» изображен образ дома-могилы, который символизирует будущее татарского народа, оторванного от мировой культуры; в произведении Г. Камала «Первый театр» воплощением «старого мира» является Хамза-бабай, который пытается удержать детей в пространстве дома; в романе Г. Ибрагимова «Глубокие корни» образ дома противопоставлен коммуне.

В контексте влияния суфизма на татарскую литературу мотив дома соотносится с понятием индивидуального «я», а достижение абсолютной истины приравнивается к разрушению этого «я» и нахождению настоящего, подлинного «я» [11. С. 34].

Современные татарская и чувашская литературы, продолжая классические традиции в создании образа дома, определяют его в первую очередь через связь с Родной землей, Родиной, местом рода. В мифологии чувашского народа мифологема «Дом» многолика: это и родной дом, и дом старухи на окраине деревни, и лесной дом. Изучив особенности чувашских сказок, А.К. Салмин отмечает: «...лесной дом в корне отличается от дома старухи и старика покровителей, расположенного на окраине города или деревни. Если полагать, что дом на окраине локализуется на стыке двух миров, то, входя в лесной дом, юноша уже оказывается в ином локусе... Этот дом не имеет ни крыши, ни дверей, ни окон. Здесь темно, и живут в нем слепые люди. Выходит, лесной дом, находящийся на сказочно далеком расстоянии от родного дома, есть темное царство, потусторонний мир, каким он представляется молодым...» [16. С. 226]. В художественном сознании чувашского народа сложилось амбивалентное представление о доме: с одной стороны – это родной дом, родная земля, а с другой стороны – это «лесной дом» иномирия. В художественных образах современных писателей преобладает представление о родном доме, типологически близкое многим народам. Реже наблюдается взаимодействие этих миров.

В рассказе татарского писателя Р. Мухамадиева «Тишина» (1985) эта связь характеризуется так: «Здесь, в родном гнезде, на родимой земле, деды и пра-

деды жили, продолжали свою жизнь в детях, понимаешь ты? И стоял отчий дом, были крепки духом дети его, потому как здесь вот, в этой земле, корни наши, и мы станем вашими корнями, когда в землю уйдем... А если корни в одном месте, а ветви все подчистую сорваны да по сторонам раскиданы, и ни один зеленый листочек над корнями не прошелестел – кому от этого хорошо?» (пер. М. Числова) [15. С. 148]. В рассказе Р. Мухамадиева «Счастье наших матерей» (1998) дом олицетворен: после уезда хозяйки «одинокий остался там». Для героини отъезд из родного дома – не только и не столько перемена места жительства на лучшие условия, но и оставление святых для матери мест, имеющих ритуально-символическое значение: дом, огород, могила (кладбище). Главное желание героини (матери повествователя) – вернуться в родной дом, в родные места, где, несмотря на то, что «никого сейчас нет», «все равно надо возвращаться... И могила отца вашего там. Он тоже думает, наверное, уехала и забыла...». Повествование заканчивается авторским выводом о том, что: «В родном доме, в воспоминаниях, в надежде и в умении терпеть и ждать, наверное, и есть счастье наших матерей» (пер. Р. Мир-Хайдарова) [15. С. 169–170].

В чувашской литературе развивались традиционные представления о Доме, ассоциирующиеся с Родной землей: Георгий Ефимов в произведении «Земли чувашской голоса» (пер. Г. Серебрякова) от имени Землекопа, копающего яму под фундамент будущего дома, сравнивает дом с деревом, который должен возрасти на корнях: «Нет, не напрасно мураву гублю. / Здесь корни в землю / Пустит новый дом». Метафора «дерево/дом», свойственная многим народам, характеризует дом как мировое древо. В новом доме должны сохраниться вековые традиции доброты, щедрости, гостеприимства: «В цветах и травах сила – от земли. / Не знайся же, моя земля, с бедою / И этот новый дом не обдели / Ни щедростью своей, / Ни добротой» [6. С. 441–442]. Нравственные основы дома связаны с сельскохозяйственным трудом, это определяет народо-сеятель: «Пусть вдоволь хлеба будет на столе / На вкус любой: пшеничного, ржаного, / Ведь он – / Всему начало на земле, / Любому делу первая основа. / С ним связана народная судьба, и торжества людские, / и печали. / Хочу, чтоб зрели добрые хлеба / И радостью нам сердце окрыляли» [6. С. 442].

Мифологема «Дом» в пространственно-временных границах произведения наполняется всеми многовековыми чаяниями чувашского народа. Это и материальное благополучие живущих в доме, и их психологический комфорт – радость сердца, и умение жить «большим домом» – семьей. В «Слове человека, который принимает в дом невестку» сконцентрированы представления чувашского народа о доме, в котором живет счастливая семья. Дом с любовью «принимает» чужого человека с надеждой найти достойную, благоразумную мать семейства: «Наш дом открыт, / Входи в него смелее». Дом для чувашского народа – это, прежде всего, люди в нем живущие, семья, основой которой является женщина. Дидактизм повествования в «Слове» оправдан народными представлениями о роли невестки в доме: «Красавица, входи невесткой в дом, / Тебя встречаем лаской и любовью. / Опорой мужу будь, / Ну и притом / Сумей

поладить с матерью – свекровью. / Пускай растут детишки, как грибы, / На сына и тебя во всем похожи. / А что случится, сора из избы, / Как говорится, / Выносить негоже...». Ценностный мир чувашского дома определяется наказом невестке: «Не ожидай заранее беды... / Не поддавайся попусту печали / ...Не возгордись высокою судьбою... / ...И никогда / Душою не криви / Перед семейным нашим хлебом-солью» [6. С. 442–443]. Весь традиционный уклад жизни дома связан с семьей и раскрывается в мифологеме «Дом». «Войти в дом» для традиционного миропонимания чувашского народа – переступить порог границы миров, имеющих разных духов – покровителей. Обряды, посвященные духам дома – духу-покровителю, духу-смотрителю, духу фундамента и другим направлены на то, чтобы духи домашние не обиделись и оберегали домочадцев.

Традиционный уклад татарского народа неотъемлемой частью жизни семьи предполагал наличие хозяйства, живности и двора не только как необходимых для существования достатка и благополучия, но и символизирующих жизнь. Так, в рассказе Р. Мухамадиева «Тишина»: «Знаю, мать будет говорить об отце, отец о матери. Так всегда. Только оба они никогда не примирятся, чтобы опустели хлев и двор. И так до скончания века: не будет орать всполошенный курятник, не будут среди ночи перебраниваться гуси, не замычит на зорьке корова, не провозгласит зорьку ошалелый со сна петух – выйдет жизнь из моих родителей. Это так. Это правда» (пер. М. Числова) [15. С. 22]. Дом в качестве важнейшего мифологического хронотопа пространства в татарской литературе находит широкое отображение и в современной татарской лирике, где приобретает различные значения, среди которых выявляются: *символ памяти* (стихотворение Резеды Валеевой (1930 г. р.) «Материнская грусть»); *значение защищенности, охраны, спокойствия* (стихотворение Лилии Газизовой (1967 г. р.) «Я люблю возвращаться домой...») и др.

Мифологема «Дом» с двумя семантическими топосами «дом – мир», связанными между собой третьим компонентом – человеком, который испытывает влияние двух крайностей и активизирует для их восприятия и отображения чувственные модусы (слух, зрение, обоняние и т. д.) и элементы душевного опыта (любовь, страх, память и др.), занимает значительное место в современной поэзии Р. Хариса («Бура бураганда», «Сусан кил» и др.). Для поэта дом, как отмечает А.Ф. Галимуллина, – синтез духовного и материального, а «светлый и теплый дом» для автора в стихотворении «Какое же чувство сладостней» – только тот, где рады гостям, дом становится заложником счастливой жизни» [5. С. 105]. Образ дома в лирике поэта концентрирует в себе семейное счастье, любовь, а также включает в себя понятие счастья татарского народа. Человек в художественном мире Р. Хариса находится в центре мироздания. Только благодаря отношениям между людьми, улыбкам Дом может наполниться светом и станет залогом семейного счастья, благополучия не только личного, но и вселенского. Часто образ Дома играет огромную роль в раскрытии как семейно-бытового конфликта в классических (к примеру, в известном баите «Сак-Сок») и современных татарских и чувашских

произведениях, так и антитезы «дом – город» (лес, другой берег и т. д.), где дом для героев – это «свое, родное, закрытое и защищенное место», а лес (город) враждебное пространство. Дом на окраине или в лесу в чувашском фольклоре – граница между мирами. Дом у многих народов ассоциируется с исторической памятью, детством, теплотой матери, уютом, отцовской заботой, в татарской литературе с мусульманской культурой и местом совершения многих, имеющих сакральный смысл, действий и ритуалов. Связь человека с родным домом, сохранение которой имеет важнейшее значение в контексте связи с местом рождения, родителями и предками, часто соотносится с образом матери, домашним столом, едой (хлебом), которые по преданию будут притягивать путника обратно («*Ризыгы өенә тартып тора*» – «*Еда притягивает путника домой*»). Вкус самой незатейливой еды напоминает о детстве, переносит в даль воспоминаний о доме, семье, родных людях и просторах. Дом становится пространством, где человек переживает самые значимые события своей жизни.

Главная героиня повести «В пятницу вечером» А. Гилязова (70-е годы XX века), чувствуя скорое приближение смерти, ощущает одиночество, перестает чувствовать природные ритмы и замыкается в своем доме. Домашние заботы и бытовые хлопоты главной героини лейтмотив в сюжетной функции героини в начале романа «Зулейха открывает глаза» (2016): «Она быстро подтапливает остывшую с утра печь. Раскладывает на сяке табан для Муртазы, мечет на него еды. Бежит в зимний хлев, подтапливает печь и там. Задает животным, убирает за ними. Ведет жеребенка к Сандугач на вечернее кормление. Доит Кюбелек, процеживает молоко. Достает с высоких киштэ мужнины подушки, взбивает (Муртаза любит спать высоко). Наконец можно уйти к себе, в запечье... Бегу, бегу, Муртаза, – говорит хриплым голосом. И бежит» [19. С. 26]. Как отмечает Т.М. Колядич, неслучайно в характеристике Зулейхи в данном контексте «доминируют глаголы движения» [17. С. 303]. Дом и домашнее хозяйство занимают значительное место в оценке мужчины Зулейхой Валиевой, для нее муж – «хороший человек», характеризуется в первую очередь как человек, имеющий и умеющий вести богатое хозяйство, это становится первостепенной характеристикой в сопоставлении его с Игнатовым, не имеющим не только хозяйства, но и дома.

Мотив памяти коррелирует с образом дома, семьи и в чувашской культуре: в главу «Голос памяти» Г. Ефимов включает строки из народной песни, которую пели после завершения полевых работ: «Не забудешь плуг – соху, / Не забудешь мать – отца... / Сколько было на веку! / А все жизни нет конца» [6. С. 444]. Все составляющие концепта входят в его понимание: «Дом родной не позабыть. / И ровесников – друзей. / Все, что выпало любить, / Я люблю душою всей. / ...А могу ли я забыть / Наши песни, нашу речь? / Все мне помнить и любить, / Вечно Родину беречь!..» [6. С. 445]. Национальная жизнь и культура сконцентрированы в понятии «Дом»: поля, луга, отчая земля, страна, солнца свет, семья, песни и речь. Мифологема расширяется и охватывает все стороны жизни человека. В современной поэзии с домом ассоциируется и

рябина, и запах Волги, и все «родимое село»: «Вот и осень подошла, / Гроздья красные зажгла, / Эх, рябина ты, рябина, словно из дому пришла, / От родимого села / Запах Волги принесла» [10].

В «невыведанном рассказе» Александра Артемьева «Память» символ дома раскрывает понятие счастливой новой жизни, которую разрушили поражение и война: перед войной герой рассказа женился, «...поставил я дом – что терем-теремок. Жена пришла хорошая. И в деле бойка была, и в праздник весела. Перед войной, в сороковом годе, сына мне родила...» [8. С. 212]. Новый дом для героя – это символ счастья и его уничтожения, разрушения войной. Для чувашских писателей, пишущих о войне, космосе, комсомольских стройках, понятие дома расширяется до границ России – Россия наш дом.

В хрестоматийном стихотворении П. Хузангая «Я живу в России» лирический герой – фронтовик отмечает: «Чем дальше от родных полей, / Тем с большей повторял я силой, / Как голос совести моей, / Как песню: я живу в России!». В чувашской литературе XX века происходило расширение концепта «дом»: домом является не только родной край, Волга, родительский дом, но и Россия, родная страна, которая сохранила все традиционные особенности дома: «Над победителем врага / Родное небо распростерлось. / Чувашский ласковый язык, сказанья наши золотые, / Народной мудрости родник – / Все это сберегла Россия!» [8. С. 222]. Национальная культура, переживающая подъем и развитие, – это важная особенность дома.

В татарской культуре дом также не только место жительства и хозяйства, но и элемент национальной культуры. Развиваются особенности этнографического направления в большей степени в прозаических жанрах. Неслучайно традиционно дома татарских деревень «красились в веселенький голубой, реже в зеленый и коричневый цвет» [9. С. 144].

С любовью и ностальгией героиня романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» Зулейха Валиева вспоминает родную деревню и ее яркие, красочные дома: «Зеленые, желтые, темно-голубые, они яркими грибами выглядывают из-под сугробов» [19. С. 43], а ближайший лес, «кормящий деревенских крупной земляникой и сладкой зернистой малиной» [19. С. 17], выступает неотъемлемой частью картины родного края возле деревни Юлбаши. В романе важную роль играет этнографическая составляющая, проявляющаяся в фиксации топосных отношений, детально, исторически верно описывается дом, состоящий из двух частей, зимний хлев, отхожее место (нужник), требующие особого внимания к чистоте. «Дом Муртазы просторный, в две избы, соединенный общими сенями» [19. С. 42]. Печь делит дом на две половины: «взрослым женщинам полагается небольшая часть – *сяке*, отделенная от мужской половины плотной занавесью – *чыбылдык*. Три большие керосиновые лампы в ажурных металлических подставках ярко освещают просторную комнату (Упыриха всегда зажигает их к вечернему приходу Муртазы). Отскобленные тонким ножом и натертые речным песком до медового сияния полы (Зулейха летом всю кожу на пальцах ободрала, начищая); снежно-белые кружева на окнах – накрахмаленные так жестко, что можно порезаться; в простенках –

нарядные красно-зеленые тастымал и овальное зеркало, такое огромное, что если Зулейха вставала перед ним, то отражалась вся, от макушки до пяток. Большие напольные часы сверкают янтарным лаком, латунный маятник отстукивает время медленно и неумолимо». Неслучайно в описании доминирует светлые и белые тона верхнего и среднего миров, характерные для миропонимания древних тюрков. По словам исследователей, первая ознакомительная глава романа под названием «Один день» напоминает поход в музей крестьянского быта, автор точно воссоздает соответствующие предметы традиционного уклада быта и жизни татарской семьи.

Об особой атмосфере, индивидуальном укладе, быте каждого дома и даже его запахе рассуждает современный татарский писатель И. Абузяров на примере албанского дома: «основными ингредиентами домашнего запаха являются ароматы стирального порошка, поджаренного хлеба, духов и освежителя воздуха» [1. С. 65].

Мифологема «Дом» – сюжетобразующая в дилогии еще одного современного писателя, Ш. Идиатуллина, «Убыр». Названия глав, определяют события повествования: «Все дома», «Из дома», «Без дома», «Как дома», «Кто дома». Дом для главного героя, мальчика Наиля, – «место, где хорошо, привычно и безопасно», «тепло и тихо. Пахло домом». Для преодолевшего опасности героя возвращение домой – это возвращение в пространство, где он находит «счастье, облегчение и слабость. Я дома. Родители вернуться. Они – сами – разберутся» [9. С. 447–449].

Заключение

Мифологема «Дом» в татарской и чувашской литературах основополагающая: она связана со всей проблематикой произведений и отражает особенности ментальности народов, а также связана с особенной системой мировоззрения народов в ее развитии. В современных литературах отразились мифологические представления о доме. Это подтверждает исконную традиционную связь человека с древнейшими верованиями, традиционным жилищем, родными, прошлым. Реально-бытовая составляющая показывает появление в процессе исторического развития новых поэтических смыслов: мотивов памяти, счастья, народной веры, национальной культуры, быта. В процессе анализа выявились наиболее частотные смыслы, объединяющие представление о доме в татарской и чувашской культурах: историческая память, родная речь, символ защищенности, охраны, богатство и хозяйство, трудолюбие, значения преграды, могилы, символ старого мира, значения красоты, умиротворенности.

Список литературы

- [1] *Абузяров И.* Агробление по-олбански // Ильдар Абузяров. М.: Астрель. 2012. С. 65.
- [2] *Батталова А.Д.* Эволюция образа дома в татарской драматургии: 1960–2000 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 175 с.

- [3] *Валеева Д. Р.* Репрезентация концепта «Дом» в русской языковой картине: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 167 с.
- [4] *Гайнанова Л.М.* Художественное пространство и время в прозе Гаяза Исхаки: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. С. 12.
- [5] *Галимуллина А.Ф.* Роль топоса «дом» в казанском тексте Р. Хариса // Диалог культур: русско-татарские связи: материалы научно-практического семинара Всероссийской конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» VI Кирилло-Мефодиевских чтений. М. – Ярославль: Ремдер, 2005. С. 105.
- [6] *Ефимов Г.* Земли чувашской голоса / пер. Г. Серебрякова // Земля Улыпа: сборник / сост. В. Захаров, Ю. Айдаш. М.: Современник, 1980. С. 441–442.
- [7] *Давлетшина Л.Х.* Мифологизм в татарской прозе конца XX – начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 24 с.
- [8] *Земля Улыпа: сборник / сост. В. Захаров, Ю. Айдаш. М.: Современник, 1980. 447 с.*
- [9] *Идиатуллин Ш.* Убыр: диалогия: романы. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. С. 144.
- [10] *Кольцов К.* Лирический разговор. URL: <http://muzeyhnir.pravorg.ru/chuvashskaya-roeziya/> (дата обращения: 10.09.2019).
- [11] *Кныш А.Д.* Мусульманский мистицизм. СПб.: Диля, 2004. С. 34.
- [12] *Медведев В.В.* Традиции домостроительства у чувашей // Научные ведомости. Серия: История, политология, экономика, информатика. 2015. Вып 33. № 1. С. 80–85.
- [13] Межлитературный диалог татарского и чувашского народов (вторая половина XIX – начало XX века). URL: <https://kpfu.ru/mezhliteraturnyj-dialog-tatarskogo-i-chuvashskogo.html> (дата обращения: 10.09.2019).
- [14] *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. С. 9.
- [15] *Мухамадиев Р.* Свои люди: избранное. М.: Дружба литератур, 2012. С. 148.
- [16] *Салмин А.К.* Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994. С. 226.
- [17] Текст как филологический феномен: актуальные аспекты рецепции и интерпретации: коллективная монография / сост. и науч. ред. Л.А. Трубиной, В.К. Сигова. М., 2017. С. 303.
- [18] *Хабутдинова М.М.* Перформанс в пространстве современной татарской поэзии (на примере фестиваля JADIDFEST // Tatarica: Literature. 2017. № 2(9). С. 76.
- [19] *Яхина Г.* Зулейха открывает глаза / предисл. Л. Улицкой. – М.: АСТ, 2016. С. 26.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23 сентября 2019

Дата принятия к печати: 06 октября 2019

Для цитирования:

Абашева Д.В., Шарьяфетдинов Р.Х. Мифологема «Дом» в художественном дискурсе татарской и чувашской литератур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 4. С. 649–659. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-649-659>

Сведения об авторах:

Абашева Диана Владимировна, доктор филологических наук, профессор, кафедра русской литературы, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет. E-mail: abasheva.diana@yandex.ru

Шарьяфетдинов Рамиль Хайдарович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX–XXI веков, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет. E-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su

The mythologem “Home” in the art discourse of Tatar and Chuvash literatures

Diana V. Abasheva, Ramil Kh. Sharyafetdinov

Moscow Pedagogical State University
1 Malaya Pirogovskaya St., bldg. 1, Moscow, 119991, Russian Federation

Comparative study of the cultures of the Volga region folks leads researchers to conclusions characterizing the centuries-old interaction of peoples, which resulted in the formation of unique artistic systems of the Tatar and Chuvash nations. The article considers the functioning of the mythologeme “Home” in the Chuvash and Tatar literatures and determines its fundamental importance both in classical and modern works (end of 20 – beginning of 21 century). The authors analyze the poetic meanings (motif of memory, happiness, faith, life, etc.) and identify the most frequent values (native speech, a symbol of security, wealth, beauty and peace), that combine in their understanding the idea of Home in the Chuvash and Tatar cultures. The mythologem “Home” in Tatar and Chuvash literatures is related to the problems of works and reflects the mentality of the people.

Keywords: Tatar literature; Chuvash literature; peoples of Russia; culture; poetic meanings; mythopoetics; myth; house; typology

References

- [1] Abuzyarov I. *Agroblenie in Albanian*. Moscow: Astrel Publ., 2012. P. 65.
- [2] Battalova A.D. *The evolution of the image of the house in the Tatar dramaturgy: 1960–2000*: dis. ... cand. philol. sciences. Kazan, 2006. 175 p.
- [3] Valeeva D.R. *Representation of the concept of “House” in the Russian language picture*: dis. ... cand. philol. sciences. Kazan, 2010. 167 p.
- [4] Gainanova L.M. *Artistic space and time in the prose of Gayaz Ishaqi*: abstract dis. ... cand. philol. sciences. Kazan, 2010. P. 12.
- [5] Galimullina A.F. The role of the topos “house” in the Kazan text of R. Haris // *Dialogue of cultures: Russian-Tatar relations: materials of the scientific and practical seminar of the all-Russian conference “Slavic Culture: Origins, Traditions, Interaction” of the VI Cyril and Methodius Readings*. Moscow – Yaroslavl: Remder Publ., 2005. P. 105.
- [6] Efimov G. Land of the Chuvash voice / transl. by G. Serebryakov // *Land of Ulyp*: collection / comp. V. Zakharov, Yu. Aydash. Moscow: Sovremennik Publ., 1980. Pp. 441–442.
- [7] Davletshina L.Kh. *Mythologism in Tatar prose of the late XX – early XXI centuries*: abstract dis. ... cand. philol. sciences. Kazan, 2005. 24 p.
- [8] *Land of Ulyp*: collection / comp. V. Zakharov, Yu. Aydash. Moscow: Sovremennik Publ., 1980. 447 p.
- [9] Idiatullin S. *Ubyr*: dilogy: novels. Saint Petersburg: Azbuka Publ.; Azbuka-Attikus Publ., 2018. P. 144.
- [10] Koltsov K. *Lyric Conversation*. <http://muzeyhnir.pravorg.ru/chuvashskaya-poeziya/> (accessed: 09.10.2019).
- [11] Knysh A.D. *Muslim mysticism*. Saint Petersburg: Dilya Publ., 2004. P. 34.

- [12] Medvedev V.V. Traditions of housebuilding among the Chuvash // *Scientific sheets. Series: History, political science, economics, computer science*. 2015. Issue 33. No. 1. Pp. 80–85.
- [13] *Interliterary dialogue of the Tatar and Chuvash peoples (second half of the 19th – beginning of the 20th century)*. <https://kpfu.ru/mezhliteraturnyj-dialog-tatarskogo-i-chuvashskogo.html> (accessed: 09.10.2019).
- [14] Miller G.F. *Description of pagan peoples living in the Kazan province, like Cheremis, Chuvash and Votyaks*. Saint Petersburg, 1791. P. 9.
- [15] Mukhamadiev R. *His people: selected works*. Moscow: Druzhba literatur Publ., 2012. P. 148.
- [16] Salmin A.K. *The folk ritual of the Chuvashes*. Cheboksary, 1994. P. 226.
- [17] *Text as a philological phenomenon: current aspects of reception and interpretation: collective monograph / comp. and scien. ed. by L.A. Trubina, V.K. Sigov*. Moscow, 2017. P. 303.
- [18] Khabutdinova M.M. Performance in the space of modern Tatar poetry (on the example of the festival JADIDFEST // *Tatarica: Literature*. 2017. No. 2 (9). P. 76.
- [19] Yahina G. *Zuleikha opens her eyes: novel / foreword by L. Ulitskaya*. Moscow: AST Publ., 2016. P. 26.

Article history:

Received: 23 September 2019

Revised: 25 September 2019

Accepted: 06 October 2019

For citation:

Abasheva D.V., Sharyafetdinov R.Kh. (2019). The mythologem “Home” in the art discourse of Tatar and Chuvash literatures. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(4), 649–659. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-649-659>

Bio notes:

Diana V. Abasheva, ScD in Philology, Professor of the Department of Russian Literature, Moscow Pedagogical State University. E-mail: abasheva.diana@yandex.ru

Ramil Kh. Sharyafetdinov, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Literature of 20–21 centuries, Moscow State Pedagogical University. E-mail: rkh.sharyafetdinov@mpgu.su